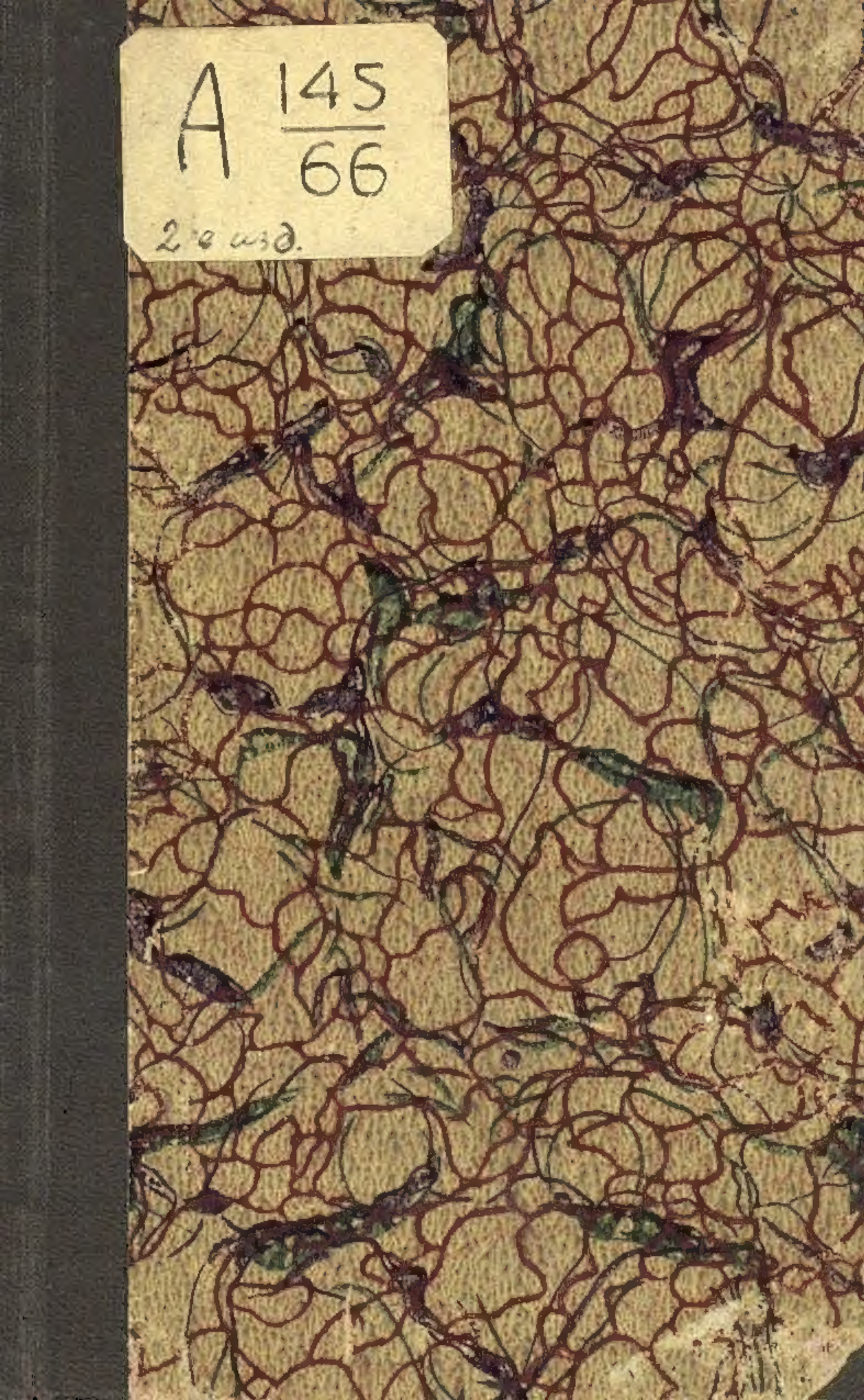

A 145/66
2-е изд.

Д. БУЛГАКОВСКІЙ.

Нижегородскія легенды.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

С.-Петербургъ.
Типографія В. С. Балашева и К°., Фонтанка, 95.
1896.

Д. БУЛГАКОВСКІЙ.

НИЖЕГОРОДСКІЯ ЛЕГЕНДЫ.

2-е изданіе.

С.-Петербургъ.
Типографія В. С. Балашева и К°., Фонтанка, 95
1896.

Дозволено цензурою. Спб. 7 мая 1896 года.

У каждаго народа на всѣхъ ступеняхъ его развитія существуютъ всевозможныя легенды; запасы ихъ безчисленны. Но едва ли найдется народъ въ мірѣ, у котораго было бы такъ много легендъ какъ у насъ, русскихъ. У насъ о городахъ и селеніяхъ, рѣкахъ и озерахъ, горахъ и курганахъ, лѣсахъ и болотахъ и о многомъ другомъ существуютъ самыя разнообразныя легенды. Народная фантазія старалась ничего не пропустить, она не поскупилась разукрасить своими богатыми картинами самую отдаленную древность. Легенды того или другого мѣста

въ исторіи, что приправа въ кушаньѣ. Какъ ни полна, повидимому, исторія данной мѣстности или лица, какъ ни обширны лѣтописныя сказанія, они непремѣнно сверхъ исторіи, имѣютъ еще свою легенду. Впрочемъ, легендами начинается всякая исторія, и чѣмъ дальше мы уходимъ отъ начала ея, тѣмъ больше появляется легендарныхъ варіантовъ. Только новѣйшія селенія и города не имѣютъ легендъ, и то до тѣхъ поръ, пока не покроются вѣковою пылью.

Въ настоящее изданіе вошло нѣсколько легендъ, относящихся къ Нижнему-Новгороду, одному изъ старѣйшихъ нашихъ городовъ.

Д. Булгаковскій.

I.

Какъ зачинался Нижній-Новгородъ.

Здравствуй, именитый Нижній-Новгородъ,
Здравствуй, старина!

Въ одной мордовской пѣсни разсказывается о завоеваніи русскими устья Оки и покореніи мордвы въ такихъ словахъ: „Ѣхалъ русскій князь Мурза по Волгѣ, и увидѣлъ, что на горѣ мордва въ бѣлыхъ балахонахъ Богу молится. Онъ спросилъ своихъ воиновъ: „Что это за березнякъ мотается, шатается, къ землѣ-матушкѣ на востокъ поклоняется?“ Посланные отвѣчали, что это не березнякъ мотается, шатается, а мордва сво-

ему богу молится, что въ бадьяхъ у нихъ стоитъ пиво сладкое, на рычагахъ виситъ яичница, а въ котлахъ *янбеды* (жрецы) говядину варятъ. Старики изъ мордвы, узнавъ о русскомъ князѣ Мурзѣ, посылаютъ ему съ молодыми людьми говядины и пива, а молодые-то люди дорогой говядину съѣли, пиво выпили, а русскому князю Мурзѣ принесли земли да воды. Князь Мурза обрадовался этому дару, принявъ его, какъ знакъ покорности мордовскаго народа, и поплылъ по Волгѣ рѣкѣ. Гдѣ кинетъ на берегъ горсть принесенной въ даръ земли, тамъ быть городу, гдѣ броситъ щепотку, тамъ быть селенію.

Такъ и покорилась русскимъ земля мордовская и основанъ былъ Нижній-Новгородъ.

II.

Дятловы горы.

Во времена стародавнія на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Нижній-Новгородъ, жилъ мордвинъ—Скворецъ, другъ и помощникъ Соловья разбойника, связаннаго Ильею Муромцемъ. Здѣсь онъ женился на восьмнадцати женахъ, которыя родили ему семьдесятъ сыновей. Всѣ они жили вмѣстѣ, занимались скотоводствомъ, пасли стада на горѣ, и по вечерамъ гоняли ихъ на водопой на рѣку Оку. Здѣсь въ ущельи обиталъ чародѣй Дятелъ, бывшій также нѣкогда въ ладахъ съ Соловьемъ. Его спрашивалъ

Скворецъ о будущей судьбѣ своихъ дѣтей. Дятелъ отвѣчалъ: „если дѣти твои будутъ жить мирно другъ съ другомъ, то долго будутъ владѣть здѣшними мѣстами, а если поссорятся, будутъ покорены русскими, которые поставятъ на устьѣ рѣки Оки градъ каменъ и крѣпокъ зѣло и не одолѣютъ его силы вражескія“. Въ заключеніе Дятелъ просилъ Скворца о честномъ его погребеніи. Время шло. Умеръ чародѣй Дятелъ и товарищъ Скворецъ похоронилъ его на мѣстѣ нынѣшняго Благовѣщенскаго монастыря и прозвалось то мѣсто „Дятловы горы“. Умеръ и Скворецъ; умирая, заповѣдалъ онъ своимъ дѣтямъ взаимное согласіе и единодушіе; но потомки ихъ размножились стали враждовать между собою и Юрій Всеволодовичъ заложилъ городъ на устьѣ рѣки Оки и нарече имя ему „Нижній-Новгородъ“.

III.

Коромыслова башня.

О Коромысловой башнѣ, которая находится подъ Зеленинскимъ съѣздомъ, существуетъ преданіе, что съ нея начали строить Кремль, и что по тогдашнему суевѣрію, для успѣшнаго строенія его, рѣшили заложить въ основаніе башни первое живое существо, которое придетъ на это мѣсто. Пришла дѣвушка съ коромыслами и ведрами за водою на рѣчку Почайку и оттого самую башню прозвали „Коромысловою".

О Коромысловой башнѣ существуетъ и другая легенда: буд-

то-бы когда напали на Нижній-Новгородъ татары въ первой половинѣ 16 вѣка, подъ предводительствомъ Саибъ Гирея, отступилъ онъ отъ Нижняго-Новгорода, потому что одна молодая дѣвушка вышла за водой на рѣку Почайку, въ виду всего татарскаго войска, и когда окружили ее татары, стала отбиваться отъ нихъ своимъ коромысломъ. Она убила много татаръ, и хотя сама была убита, но навела такой страхъ на полки Саибъ Гирея, что татары сказали: „если женщины такъ храбры въ этомъ городѣ, то каковы же должны быть мужчины?" и будто бы вслѣдствіе этого сняли осаду и удалились. Убитую дѣвушку похоронили подъ башнею, отчего до сихъ поръ одна изъ башенъ нижегородскаго Кремля, стоящая на рѣкѣ Почайкѣ, называется „Коромысловою".

IV.

Проклятіе Нижняго-Новгорода.

Съ рѣчкой Почайкой соединено нѣсколько легендъ. Разсказываютъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ Почайка беретъ свое начало, лежитъ большой камень, на которомъ прежде было что-то написано, но теперь уже стерлось. Отъ этого-то камня зависитъ судьба Нижняго-Новгорода. Настанетъ время, когда онъ сдвинется съ мѣста, изъ-подъ него выступитъ вода и затопитъ весь городъ. Надо полагать, что достанется тогда и далекимъ его окрестностямъ, если принять во вниманіе, что Нижній стоитъ на

горѣ, высота которой доходитъ чуть не до 60 саженъ.

Есть и другая легенда о судьбѣ Нижняго-Новгорода. Жилъ св. Макарій въ Муромѣ, и сталъ ему являться бѣсъ въ образѣ женщины. Сподвижники Макарія, ни мало не медля, прогнали его отъ себя. Макарій сѣлъ на большой камень, лежавшій на берегу Оки и поплылъ по немъ внизъ по рѣкѣ, подобно Антонію Римлянину. Доплывъ до Нижняго, онъ задумалъ пристать къ нему; случилось это около самаго устья р. Почайки. Не понравился почему-то Макарій нижегородскимъ бабамъ, стиравшимъ здѣсь въ ту пору бѣлье, и прогнали его отъ Нижняго руготнею да вальками... „Будь же ты проклятъ, сказалъ Макарій про Нижній; пусть эта рѣчка въ свѣтопреставленіе станетъ большой и потопитъ тебя“! Съ этими словами Макарій поплылъ на своемъ камнѣ внизъ по Волгѣ, къ нынѣшнему городу Макарьеву.

Сходное съ легендой о Макарьѣ преданіе (скитское) записано у г. Печерскаго. Еще въ ту пору, говорится въ сказаніи заволжскихъ скитницъ, какъ русская земля была подъ татарами, ради народнаго умиленія, проходилъ въ Орду бусурманскую святитель Христовъ Алексій митрополитъ московскій. Проходилъ чудотворецъ свой путь не во славѣ, не въ почести, не въ своемъ святительскомъ величіи, а въ смиренномъ образѣ бѣднаго страннаго человѣка. Подошелъ святитель къ городу, перевозчики его не приняли, перевезти черезъ рѣку не восхотѣли, видя, что съ такого убогаго человѣка взять имъ нечего; и невидимо мірскимъ очамъ на рѣчныя струи быстрыя распростеръ чудотворецъ свою мантію, и на той мантіи переѣхалъ на другую сторону. А тамъ на берегу бабы бѣлье мыли, попросилъ у нихъ святой мужъ милостыньки, онѣ его вальками избили до крови. По-

дошелъ святой мужъ къ горѣ Набережной, въ небеси громъ возгремѣлъ, и пала на ту гору молонья палючая, изъ той горы водный источникъ струю пустилъ свѣтлую. У того родника чудотворнаго укрухомъ черстваго хлѣба святитель потрапезовалъ, благодатною водицею увлажилъ пересохшія уста свòи. И прозвалась та гора „Гремячею", и тотъ источникъ до сего дня течетъ. Хоть и видѣли злые люди Божье знаменье, но и тутъ свята мужа не могли познать, не честью согнали его со источника, и много надъ нимъ въ безуміи своемъ глумилися. Искать святитель ночлега, ночь ночевать, ходилъ отъ дому до дому—нигдѣ его не приняли. И тогда возмутилась его душа, воззрѣвъ на каменныя стѣны Кремлевскія, таково заклятье изрекъ: „Городъ каменный, люди желѣзные!"

V.

Кума чародѣйка.

Въ старину на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Кунавино, ютился кабакъ, постоялый дворъ или что-то въ родѣ этого. Хозяйку этого пріюта молодую, красивую, привѣтливую вдову всѣ посѣщавшіе ее прозвали за ея ласки, расторопность и услужливость „Кумой“. Всякій, кому лежалъ путь на Окскій перевозъ, мимо ея заведенія, считалъ какъ-бы обязанностью выпить въ немъ зелена—вина и побалагурить съ ласковой вдовушкой. Слава о Кумѣ скоро разнеслась и по городу. За Оку

стала все чаще и чаще навѣдываться городская молодежь, посадскіе и приказный людъ. Вдова встрѣчала гостей очень радушно: бывало, едва завидитъ лодки, какъ выходитъ встрѣчать нижегородскихъ ловеласовъ на берегъ, а тѣ еще издали кричатъ ей: „Кума!.. Вина"!. Наконецъ къ Кумѣ въ гости пріѣхалъ и самъ воевода съ дьяками, подъячими, старостами и всякими нижегородскими чинами и особами. Воевода изволилъ откушать у Кумы чару-другую водки и даже снизошелъ до поцѣлуя, подареннаго вдовушкѣ, а въ осушенную „посудку" опустилъ „златъ перстень съ камнемъ самоцвѣтнымъ. Тутъ же воевода, узнавши, что гости Кумы обыкновенно кричатъ съ лодки. „Кума, Вина!" приказалъ мѣсто на перевозѣ называть „Кума-Виномъ". Съ тѣхъ поръ слава Кумы еще болѣе усилилась: народъ къ ней просто „валомъ повалилъ", безъ различія чиновъ, и старъ и младъ. „Много де женъ

съ мужьями перессорились изъ за Кумы; много де косъ и бородъ потеряло густоту, по ея милости. А Кума все жила, да поживала, да деньгу наживала, и наконецъ вышла замужъ за богатаго гостя, конечно московскаго, котораго въ насмѣшку и прозвали Кумавиномъ. Новобрачная чета уѣхала на житье въ Бѣлокаменную, а названіе такъ и осталось за Окскимъ перевозомъ и лишь впослѣдствіи, какъ-то передѣлалось въ „Кунавино",

Другая легенда о Кумѣ болѣе драматическаго характера. Кума была не просто бой-баба, а вѣдьма-чародѣйка. Чарами да заговорами приманивала она къ себѣ и честной народъ. Чарами заставила она пріѣхать къ себѣ и воеводу. Побывавъ у Кумы, князь (воевода князь былъ) нашелъ, что ея водка вейновая слаще романеи погребовъ его, а поцѣлуи вдовы слаще поцѣлуевъ его княгини. Вотъ онъ и сталъ частенько ѣздить за Оку, уже безъ

дьяковъ и старостъ, а съ однимъ только вѣрнымъ холопомъ. Узнала про то княгиня, и пошли слезы да упреки.

Но воевода не обращалъ вниманія на упреки и слезы жены, а продолжалъ ѣздить за Оку.

Княгиня хоть и говорила, что не изъ-за себя журитъ мужа, а будто-бы боялась за судьбу сына, но въ дѣйствительности она хлопотала болѣе о себѣ, чѣмъ о сынѣ; княгиня была женщина далеко не старая, стало-быть страсть въ ней играла во всю прыть. Скоро замѣтилъ и сынъ, что между родителями что-то дѣло не ладно, присталъ онъ къ матери съ распросами, о чемъ она кручинится, отчего не осушаетъ очей съ утра до вечера. Сначала княгиня не хотѣла открыть сыну причины своего горя, а потомъ призналась, что кручинитъ ее змѣя-разлучница, чарами да присухами овладѣвшая княземъ.

Княжичъ, горячо любившій свою

мать, вскипѣлъ гнѣвомъ на Куму и задумалъ дѣло недоброе—спровадить змѣю-разлучницу съ бѣлаго свѣта. Выбралъ онъ ночь темную, взялъ съ собою „кинжалъ турецкій, да пистолеты нѣмецкіе“, да двухъ вѣрныхъ холоповъ, ребятъ, какъ и самъ, молодыхъ, и тайкомъ отъ отца и матери отправился за Оку. Тайкомъ добралисъ ребята до жилья вдовы. Кума уже спала, или вѣрнѣе притворилась спящей, она благодаря нечистой силѣ, знала что княжичъ ѣдетъ, и хочетъ убить ее, но не струсила.

Молодцамъ небольшаго труда стоило сорвать двери съ петель въ ея домѣ, и вотъ мигомъ они добрались и до кровати, гдѣ лежала Кума. Казалось жизнь ея висѣла на волоскѣ. Кинжалъ княжича блестѣлъ уже у самой груди ея.

Въ это время княжичу взумалось поглядѣть, какова колдунья, отнявшая отца у матери. И велѣлъ княжичъ зажечь огонь. Какъ

глянулъ онъ на Куму, такъ и обмеръ! Этакой красавицы онъ отродясь не видалъ. И холопы его, увидавъ Куму, ротъ поразинули.

Отнялъ княжичъ кинжалъ отъ груди Кумы, да и задумался. А тутъ еще одинъ изъ холоповъ— сорви-голова, любимецъ княжича, сказалъ: „княже, недаромъ князь бояринъ полюбилъ водку вейновую этой бабенки. Не худо бы и тебѣ передъ смертію Кумы попробовать, сколь сладко ея угощеніе.

Княжичъ будто проснулся отъ сна, вложилъ кинжалъ въ ножны и повелительно махнулъ рукой холопамъ, тѣ посиѣшно вышли изъ избы.

Около первыхъ пѣтуховъ княжичъ свиснулъ, холопы опять вошли въ избу. Тамъ княжичъ сидѣлъ рядомъ съ кумою, обнималъ и цѣловалъ ее, да распивалъ съ ней водку вейновую изъ той же чары, изъ которой Кума угощала прежде самого князя-боярина.

Съ этой поры и княжичъ сталъ частенько наѣзжать за Оку.

Холопы молчали, но видно шила въ мѣшкѣ не утаишь, княгиня какъ-то провѣдала, что колдунья и сына присушила къ себѣ. Тутъ богобоязливая боярыня забыла все, и страхъ Божій, и судъ людской, и задумала сама извести Куму. Вотъ стала она искать колдуновъ, которые бы въ чарахъ были сильнѣе змѣи-разлучницы, какъ всегда звала она Куму. Искала долго и наконецъ нашла колдуна, старика столѣтняго, жившаго гдѣ-то на берегу рѣки Кудьмы. Тотъ и далъ ей зелье, да такое лихое, что оно такъ и кипѣло въ скляницѣ.

Переодѣлась княгиня старицей, взяла съ собою отраву, и отправилась за Оку. Пришла она къ Кумѣ, выпросилась у нея ночевать, разсказывала ей, что она черница суздальская, ходила-де на богомолье въ Іерусалимъ и Царь-Градъ. Кума не могла узнать

ся, потому что столѣтній колдунъ запретилъ лукавымъ передавать Кумѣ о намѣреніи княгини. Княгиня и подлила въ питье-ли, въ кушанье-ли Кумѣ зелья лихого. Лишь только проглотила Кума отраву, почувствовала, что приходитъ ея конецъ и вмѣстѣ съ этимъ кончилось и очарованіе: она узнала княгиню и узнала, что она отравила ее. „Ты извела меня, сказала умирающая, но лихо купила и себѣ: меня и тебя похоронятъ вмѣстѣ, а въ могилу не зароютъ“.

Только что проговорила Кума эти слова, какъ дверь избы растворилась—явился, какъ снѣгъ на голову, самъ князь. Княгиня, которую воевода не узналъ было, хотѣла бѣжать.

— Это твоя княгиня, сказала Кума: она извела меня зельемъ лихимъ. Съ этими словами Кума умерла, испустивъ страшный крикъ.

Вскрикнулъ и князь, и прянулъ къ княгинѣ, какъ дикій звѣрь.

ухвативъ ее за горло. Княгиня и крикнуть не успѣла.

Но тутъ опять отворилась дверь избы, въ которую вбѣжалъ княжичъ. Увидя, что отецъ душитъ мать, онъ кинулся отнимать ее. Началась страшная борьба, и черезъ минуту возлѣ трупа Кумы лежали мертвые княгиня и княжичъ; князь обоихъ убилъ своимъ мечемъ и не задумываясь велѣлъ своимъ холопамъ всѣ три трупа бросить въ воду. Понесла Ока въ Волгу-матушку трупы матери, сына и Кумы-чародѣйки. Надъ первыми засвѣтились огоньки, точно радуга, надъ трупомъ Кумы загорѣлось яркое кровавое пламя—настоящій адскій огонь.

Ужаснулись холопы княжескіе, ужаснулся и самъ князь и, вскочивъ на коня, поскакалъ по берегу слѣдомъ за трупами, его влекла за ними какая-то невѣдомая сила.

Выплыли трупы на Волгу, но не понесла ихъ вода книзу, а пошли они вверхъ противъ теченія. На

князя страхъ напалъ: хочетъ онъ сотворить молитву, языкъ не ворочается, хочетъ перекреститься, рука не поднимается, хочетъ повернуть коня, конь не слушается, храпитъ, вздымается на дыбы и скачетъ все слѣдомъ за трупами.

Въ 15-ти верстахъ отъ Нижняго-Новгорода между нынѣшними селами Копосовомъ и Большимъ Козиномъ, трупы остановились, остановился и конь князя. Тутъ огни, вспыхнувъ ярче, погасли, а трупы пошли ко дну.

„Женоубійца!“ сыноубійца“! раздался невѣдомый голосъ: „твой часъ близокъ и твое тѣло неотпѣтое потонетъ на этомъ же мѣстѣ. И тебѣ не дадутъ покаяться въ грѣхахъ твоихъ, снимутъ съ тебя буйную голову съ безчестіемъ и поруганіемъ“. Затѣмъ раздался страшный вой, визгъ, скрежетъ зубовъ, хохотъ, среди котораго слышалось тихое пѣніе: „Со святыми упокой“. Поднялась буря, заходили по Волгѣ сѣдые валы,

засверкала молнія, загудѣлъ громъ. Князь упалъ безъ памяти съ коня. Холопы, которые въ страхѣ слѣдовали издали за княземъ, подняли его и привезли домой безъ чувствъ.

Темная ночь покрыла страшное дѣло. Но исчезновеніе Кумы, княгини и княжича не могло быть тайной; въ народѣ пошли разные толки, конечно, говорили въ тихомолку, боясь гнѣва воеводы. Толки эти дошли и до Москвы, а тамъ и до царя.

— Гдѣ твоя княгиня? гдѣ твой сынъ? спросилъ царь воеводу черезъ нарочно посланнаго гонца.

— Царь-Государь, отвѣчалъ воевода, также черезъ гонца, княгиня обѣтъ на себя наложила, пошла пѣшкомъ молиться Богу по святымъ обителямъ, да и пропала безъ вѣсти. Сынъ же охотиться пошелъ на медвѣдя и сломалъ его звѣрь лютый.

Тѣмъ казалось дѣло и кончилось; царь будто повѣрилъ этой сказкѣ.

Князь же со времени убійства жены и сына совершенно измѣнился. Разлюбилъ шумныя бесѣды, попойки и охоту. Дворъ воеводскій похожъ былъ на монастырь, въ немъ безпрестанно толпились попы, чернецы, странники, юродивые, нищіе. Безпрестанно пѣлись молебны да панихиды, шла трапеза для духовенства и раздача милостыни.

Самъ князь денно и нощно молился то въ церкви Архангела Михаила, то въ монастырѣ Воскресенскомъ, то въ домовой моленной.

Пришла зима. Въ одно воскресенье князь былъ у заутрени въ Архангельскомъ соборѣ и молился со слезами, лежа распростертый на полу церкви, какъ вдругъ съ крикомъ и шумомъ подлетѣла къ паперти толпа всадниковъ. Всѣ бывшіе въ церкви, не исключая и духовенства, обмерли отъ страха и хотѣли бѣжать, только князь не ворохнулся и лежалъ на полу, творя молитву.

Всадники спѣшились и вошли въ церковь.

— Княже, сказалъ начальникъ, подойди къ воеводѣ, и ѝмашь есть нынѣ повелѣніемъ Государя Царя и Виликаго Князя.

Князь всталъ съ полу, взялъ булаву (знакъ своего достоинства и власти) и бросилъ ее на полъ, говоря:

— Несу вину мою и голову къ ногамъ Государя Царя и Великаго Князя, а душу мою предаю въ руцѣ Божіи.

Кинулись всадники на князя и, лая его всякими лаями неподобными, сорвали съ него дорогія одежды, сорвали даже и рубашку, разули его, „оставили, яко отъ матери родился“ и поволокли изъ церкви, осыпая ударами.

Въ то время, покуда брали воеводу, другая часть всадниковъ опустошала дворъ его, рабовъ его перевязала, иныхъ изувѣчила, иныхъ убила, добро его разграбила.

По выходѣ изъ церкви, обнаженнаго князя бросили на дровни и прикрутили его веревками. Два всадника заарканили дровни и вся толпа, вскочивъ на коней, съ гикомъ и криками поскакала.

Миновала она Преображенскій соборъ, миновала и монастырь Симеоновскій и черезъ Тверскую башню или Ивановскую стрѣльницу выѣхала изъ Кремля въ Большой острогъ. Проѣхавъ мостъ Ивановскій, всадники пустились по Большой мостевой улицѣ и выѣхали черезъ Острожныя ворота на Никольское Подгорье, а оттуда спустились на Оку, и переѣхавъ ее по льду, помчались берегомъ Волги.

Гнали они коней часъ времени и потомъ остановились.

— Чего ради сташа? спросилъ воевода.

— Коней поити хощемъ, отвѣчалъ начальникъ всадниковъ, у котораго при всей его свирѣпости, не

достало духу сказать воеводѣ правды.

Въ это время на Волгѣ надъ льдомъ загорѣлись два радужные огонька и третій кровавый. Эти огоньки были невидимы для всадниковъ, видѣлъ ихъ только воевода.

— Не конямъ тоя воды пити, а мнѣ, прервалъ князь начальника, мѣсто ми знаемо. Конецъ мой пріиде. Молю тя не мучь, не истезуй больше, возмѣрь ми мѣру, юже возмѣрилъ азъ окаяпный.

Это были послѣднія слова воеводы: начальникъ всадниковъ отсѣкъ ему голову мечемъ и бросилъ въ прорубь обезглавленное его тѣло. Лишь только трупъ попалъ въ воду, какъ появился четвертый огонь, точно такой же, какъ и надъ трупомъ Кумы — кровавый. Огни кровавые слились вмѣстѣ и огни радужные—тоже, и стали тѣ и другіе кружиться, какъ бы борясь между собой, при чемъ свѣтъ ихъ усиливался болѣе и бо-

лѣе и наконецъ сдѣлался такъ силенъ, что освѣтилъ всю окружность. Тутъ и всадники увидѣли его, увидѣли и борьбу 4-хъ огненныхъ столбовъ, двухъ радужныхъ и двухъ кровавыхъ, восходившихъ до неба. Ужаснулись всадники, подхватили голову князя и поскакали прочь. Голову всадники доставили царю, который сперва приказалъ воткнуть ее на копье и носить по Москвѣ, а бирючамъ выкликать, идя передъ нею: „Князья, бояре, окольничьи, дворяне, стольники, стряпчіе, дьяки, люди житные, дѣти боярскія, стрѣльцы и всѣ люди служилые, части торговыя, сотни гостинныя, сотни суконныя, сотни черныя и всѣ люди не тяглые и тяглые, смотрите, какъ Государь-Царь и Великій Князь правитъ судъ свой надъ своими измѣнниками, преступающими заповѣди Господни“.

Потомъ голову сожгли на кострѣ, а прахъ ея развѣяли.

VI.

Царская невѣста.

Въ 1616 году, когда юному царю Михаилу Ѳеодоровичу было уже около 20 лѣтъ, отецъ его Филаретъ Никитичъ, заботясь объ упроченіи престола за своимъ родомъ, задумалъ женить сына. По примѣру Ивана Васильевича Грознаго, воспитавшаго для своего сына Ѳеодора невѣсту въ малолѣтствѣ, онъ рѣшилъ взять ко двору молоденькую дѣвицу—боярышню Марію Ивановну Хлопову.

Но судьба ея достойна сожалѣнія. Она дочь небогатаго нижегородскаго дворянина, и когда сдѣ-

лалась невѣстою царя, была переведена во дворецъ на верхъ, въ особыя комнаты, и по обычаю того времени, Марію переименовали въ Настасію, вѣроятно въ честь бабки, знаменитой Анастасіи Романовны, первой супруги царя Ивана Васильевича Грознаго, и стали называть ее „царевной“.

Начались приготовленія къ свадьбѣ; царь съѣздилъ къ Троицѣ въ Лавру помолиться Богу, въ сопутствіи будущаго тестя и брата его Гавріила.

Осталось нѣсколько дней до брака, какъ вдругъ Марія Ивановна занемогла, у ней появились припадки рвоты.

Начались изслѣдованія, объясненія причинъ и свойствъ болѣзни, и наконецъ царю донесли, что болѣзнь его невѣсты опасна, что отъ Маріи Ивановны нельзя ожидать дѣтей. Назначили соборъ и по его приговору, несчастную царевну—невѣсту вмѣстѣ съ родными сослали въ Тобольскъ, конечно, за

то, зачѣмъ они не предупредили, что боярышня больна и недостойна быть царской невѣстой.

Болѣзнью и заточеніемъ своимъ Марія Ивановна обязана была злости Михаила Салтыкова, съ которымъ поссорился дядя ея Гаврила Хлоповъ. Салтыковъ, чтобы отомстить Хлопову, посредствомъ матери своей опоилъ Марію Ивановну какимъ-то вреднымъ зельемъ, и потомъ употребилъ всѣ мѣры къ разстройству брака съ царемъ.

Филаретъ Никитичъ, повидимому, подозрѣвалъ, что тутъ кроется интрига, и потому понемногу началъ смягчать суровость ссылки Хлоповой и ея родныхъ. Въ августѣ 1619 года ее съ бабкой и двумя дядями по указу царскому перевели изъ Тобольска въ Верхотурье (уѣздный городъ пермской губерніи), а черезъ два года, по ходатайству того же патріарха, царь повелѣлъ перевести въ Нижній-Новгородъ.

Во время этого послѣдняго пе-

рѣзда, ей назначено было приличное содержаніе и особый приставъ для сопровожденія. Петръ Петровичъ Головинъ, воевода нижегородскій, помѣстилъ ее въ старомъ домѣ Минина; домъ этотъ, послѣ смерти незабвеннаго Козьмы, принадлежалъ уже казнѣ.

Но вотъ царю уже около 30 лѣтъ, а онъ еще не былъ женатъ. Необходимость имѣть наслѣдника побуждала его къ вступленію въ бракъ, и теперь Филаретъ задумалъ женить его на иностранкѣ, но они потерпѣли неудачу. Тогда царь вспомнилъ несчастную Хлопову, о которой доходили изъ Нижняго вѣсти, что она была совершенно здорова. Патріархъ также желалъ имѣть ее своей невѣсткой. Царь повелѣлъ произвести новое изслѣдованіе.

Производили слѣдствіе близкіе къ царю бояре, а изслѣдованіе дѣлали придворные доктора, лечившіе царскую невѣсту, когда она захворала во дворцѣ. Объявили на

сдѣланный имъ запросъ, что у боярышни—царевны была пустая желудочная болѣзнь, легко излечимая.

Не удовольствовавшись этимъ, царь и Филаретъ послали за отцемъ Хлоповой и потомъ за дядей Хлоповымъ. Отецъ боярышни показалъ, что дочь его Марія была совершенно здорова, пока ее не привезли во дворецъ; во дворцѣ ее рвало, но рвота скоро прошла, а въ ссылкѣ съ нею этого ни разу не было. Спросили духовника боярышни, предтеченскаго священника Димитрія, и тотъ показалъ тоже самое.

Привезли и дядю невѣсты—Гаврила Хлопова и дѣло объяснилось, что съ нимъ однажды Михайло Салтыковъ поговорилъ горазд̀о, т. е. крупно поссорился, и съ той минуты Салтыковы не взлюбили Хлоповыхъ. На бѣду захворала боярышня—царевна, и царю донесено было, что она больна неизлечимо.

Тогда взяли къ допросу Салтыкова. Салтыковъ видимо изворачивался, путался, показывалъ, будто-бы не говорилъ, что боярышня Хлопова неизлечима, и вообще обнаружилъ, что тогда онъ солгалъ.

Но, не удовлетворившись и этимъ сообщеніемъ, Филаретъ и царь послали въ Нижній боярина Өеодора Ивановича Шереметьева и Чудовскаго архимандрита Іосифа съ медиками подлинно развѣдать, точно ли здорова боярышня Марія Ивановна? Тѣ нашли ее здоровехонькою.

Шереметьевъ спросилъ самоё несчастную дѣвушку: отчего она занемогла? По своей суевѣрной наивности, она отвѣтила:

— Болѣзнь моя случилась отъ супостатъ.

Отецъ ея, не менѣе суевѣрный, и злобствуя на Салтыковыхъ за несчастіе дочери, показалъ, что ее отравили Салтыковы: „дали -де для апетиту какой—то водки изъ аптеки“.

Интрига Салтыковыхъ, такимъ образомъ, обнаружилась вполнѣ. Отобравъ въ казну имѣніе, Бориса и Михаила Салтыковыхъ сослали въ Галичъ и Вологду, мать ихъ старицу Евдокію заточили въ монастырь въ Суздаль, объявивъ, что Салтыковы „Государевой радости и женитьбѣ учинили помѣшку".

Никто не сомнѣвался послѣ этого, что Марія Ивановна, покинувъ заточеніе, явится въ царскихъ чертогахъ; но судьба рѣшила иначе: несчастной жертвѣ злобы и зависти не суждено было носить вѣнцовъ брачныхъ и царскихъ.

Михаилъ Ѳеодоровичъ сочетался бракомъ съ дочерью князя Владиміра Тимофеевича Долгорукова, Маріей Владиміровной. Она вскорѣ послѣ замужества захворала и отошла въ вѣчность.

Но участь Хлоповой не перемѣнилась отъ того: Долгорукова изгладила изъ памяти царя первую его невѣсту.

Марію Ивановну Хлопову оста-

вили въ Нижнемъ, но за то, что она была царскою невѣстою и погубила свое счастіе, ее велѣли пожаловать: „кормъ давать передъ прежнимъ вдвое".

VII.

Убойное дѣло.

Купецъ Осокинъ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ купцовъ въ Нижнемъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Жилъ онъ на Панской улицѣ въ собственномъ большомъ домѣ. Онъ былъ вдовъ, у него была только одна дочь-красавица, въ которой онъ души не чаялъ. По своимъ понятіямъ о счастіи своей дочери, онъ частенько спроваживалъ орду засылаемыхъ къ нему по временамъ свахъ, расчитывая дождаться свахи отъ такого же богача, какъ онъ самъ. Но какъ часто бываетъ, что понятіе

о счастіи, составляемое родителями, не сходится съ такими же понятіями, составляемыми ихъ дѣтьми, такъ и на этотъ разъ дочь склонилась на любовь какого-то бѣдняги, богатаго всѣмъ, кромѣ казны. Вѣчно юная исторія разрослась въ тайныя свиданія молодыхъ людей, устрояемыя при помощи старой нянюшки, во время частыхъ выѣздовъ отца въ гости въ подгородное имѣніе.

Однажды влюбленные заболтались болѣе обыкновеннаго, а старая няня, задремавши, прозѣвала пріѣздъ старика-большака. Дѣло было къ ночи. Дѣваться доброму молодцу было некуда: ходъ изъ свѣтелки молодой Осокиной былъ одинъ, а старикъ отецъ имѣлъ обыкновеніе всегда заходить къ дочери „благословить ее на сонъ грядущій". Нянюшка придумала спрятать молодаго человѣка подъ пуховикъ. Вошелъ Осокинъ и, ничего не замѣтивши, почему-то особенно долго проговорилъ съ до-

черью. Даша вся тряслась, блѣдная, она едва стояла на ногахъ. Отецъ подумалъ, что она нездорова и посовѣтовалъ старухѣ-нянѣ напоить ее на ночь малиной или липовымъ цвѣтомъ. Благословивши дочь на сонъ грядущій, старикъ вышелъ изъ свѣтелки дочери и направился на свою половину.

— Ой, батюшки-свѣтъ! вотъ натерпѣлась страховъ-то, и теперь еще не опомнюсь, говорила по уходѣ большака, напугавшаяся старуха-няня.

— Ну-ко, пострѣлъ, выходи что-ли, что ты еще тамъ?!

— Что съ нимъ няня? Спитъ?

— Поди, взгляни... Онъ не дышетъ!... поди, поди!...

— Батюшки, задохся!

Подъ пуховикомъ лежалъ трупъ: молодой человѣкъ задохся подъ нимъ. Старая няня съ какою-то роковою послѣдовательностію идей „нашлась“ и тутъ: она уговорила молодого батрака, жившаго у Осокина, стащить трупъ въ Волгу за

20 руб., сумму, по тогдашнему времени, особенно для голика-батрака, весьма внушительную.

— Смотри, Прокопушка, сдѣлай поаккуратнѣе, чтобы намъ не нажить бѣды, чуть не со слезами упрашивала няня.

— Знамо, надо устроить до свѣтовъ еще, покуда народъ не проснулся: заѣду значитъ поглубже, да и выпущу его изъ бочки-то, въ водѣ-то оно и не въ примѣту будетъ.

На другой день батракъ, которому никогда можетъ быть не снилось такое богатство, какъ 20 р., закутилъ. Прокутивши деньги, онъ попросилъ прибавки. Осокина не имѣла силы отказать. Батракъ еще пуще закутилъ и снова явился за деньгами, уже настойчиво ихъ требуя, въ противномъ случаѣ, грозилъ оглаской ночной тайны. Такъ продолжалось съ годъ. Осокина передавала своему мучителю не только всѣ свои деньги, но и всѣ свои перстни, жемчуга и другія драгоцѣнности.

Старушка няня и свои гроши, что на гробъ да на саванъ берегла, передала этому варвару. Денегъ больше не было ни у Осокиной, ни у няни ея. Но этимъ молодецъ не унимался. Онъ грозилъ все разсказать суду, что случилось съ приказщикомъ. Дѣвушка просила своего мучителя не губить ее, плакала передъ нимъ, но ничѣмъ онъ не трогался — ему нужны были деньги на вино. Онъ потребовалъ, чтобы дѣвушка воровала у отца. Несчастная рѣшилась и на этотъ шагъ, страшась суда. Скоро, однако, и этого было мало вѣчно пьяному батраку. Онъ предложилъ ей себя, вмѣсто погибшаго милаго. Дѣвушка, болѣе отца, суда, казни, публичнаго мірскаго позора, и тутъ не устояла.

Между тѣмъ старикъ Осокинъ, замѣтивъ разгульную жизнь своего батрака, прогналъ его изъ своего дома.

Случилось, что разгулявшійся батракъ вздумалъ угостить своихъ

деревенскихъ земляковъ, пріѣхавшихъ въ городъ на базаръ. Вымучивъ денегъ у своей жертвы, онъ отправился съ своими земляками прямо въ кабакъ, извѣстный подъ названіемъ „Облупа“. Когда парень шибко раскутился и сталъ погремыхивать серебряными рублями, какъ мѣдными копѣйками, товарищи его начали надъ нимъ подтрунивать.

— Ужъ не самъ ли ты цѣлковые мастеришь? осаждали они его.

— А на что мнѣ деньги-то? Дѣвокъ вашихъ я что ли не видалъ? Такъ онѣ мнѣ тьфу! У меня въ полюбовницахъ-то, можетъ быть, купецка дочь состоитъ, во всемъ Нижнемъ самаго богатаго купца.

Земляки, конечно, не вѣрили, и этимъ еще болѣе его подзадорили.

— Да коли прикажу, похвалился онъ, сама сюда прискачетъ и станетъ насъ угощать!

Земляки снова расхохотались.

Задѣтый заживое раскутившійся

парень послалъ кабацкаго мальчика—подносчика къ Осокиной съ своимъ платкомъ, который служилъ условнымъ знакомъ, что посланный дѣйствительно отъ него Прокопа.

Осокина, дочь городскаго богача, явилась въ кабакъ, смутивъ не мало цѣловальника и всю пьяную компанію.

— Вишь ты, я теперь загулялъ, вотъ и потребовалъ тебя. Угощай меня! Цѣлуй меня! Цѣлуй мою руку, цѣлуй ногу! Угощай пріятелей. Кланяйся всѣмъ въ ножки! Пляши! кричалъ безобразникъ.

— Выпить сперва надо, отчаянно крикнула Осокина, когда дѣло дошло до пляски и осушивъ, не сморгнувъ, косушку, пустилась въ плясь подъ веселую балалайку.

Понатѣшивши своей пляской пьяную компанію, Осокина подсѣла къ своему „милому“, обняла его и стала крѣпко цѣловать, подливая ему и его землякамъ шкаликъ за шкаликомъ вина. У ней явился

въ головѣ адскій планъ. Къ полуночи она споила не только самого „заводчика“ и его пріятелей, но и цѣловальника съ мальчикомъ-и подносчикомъ. Сама же она была совершенно трезва, хотя тоже выпила не мало... Но она была пьяна накипѣвшей жаждой мщенія, злобной страстью, доведенной до отчаянія. Когда всѣ свалились и захрапѣли, Осокина задумала убить своего мучителя, а съ нимъ и всѣхъ бывшихъ въ кабакѣ, чтобы скрыть слѣды преступленія.

„Да, убить, убить! Никто больше не будетъ терзать моей души“, думала дѣвушка. Убью... тутъ гдѣ-то я видѣла топоръ. А, вонъ! Убью моего злодѣя. Нѣтъ... пусть живетъ. Кровь будетъ взывать къ Богу и терзать и мучить меня еще больше, чѣмъ я мучусь теперь. А онъ?!.. онъ опять будетъ издѣваться надо мной! Опять будетъ мучить меня и позорить меня! Нѣтъ, я терпѣть больше не могу. Спятъ крѣпко— убить и поджечь. Убью, сожгу—всему конецъ“!

Въ рукахъ дѣвушки заиграли топоръ и пламя.

На зарево сбѣжался народъ, сталъ тушить пожаръ, охватившій кабакъ, не подозрѣвая, что въ огнѣ горятъ семь труповъ.

Не было извѣстно, отчего начался пожаръ, такъ какъ изъ семи человѣкъ никто не спасся. Но сама дѣвушка не имѣла силъ отойти отъ пылавшей „Облупы". Страданія отъ ужасной драмы подъ пуховикомъ, затѣмъ униженіе и позоръ и наконецъ убійство послѣдней ночи окончательно надломили нервы молодого организма: она помѣшалась, и все открыла собравшемуся народу. Начался судъ и кончился, разумѣется, не скоро: приговорили къ кнуту и каторгѣ.

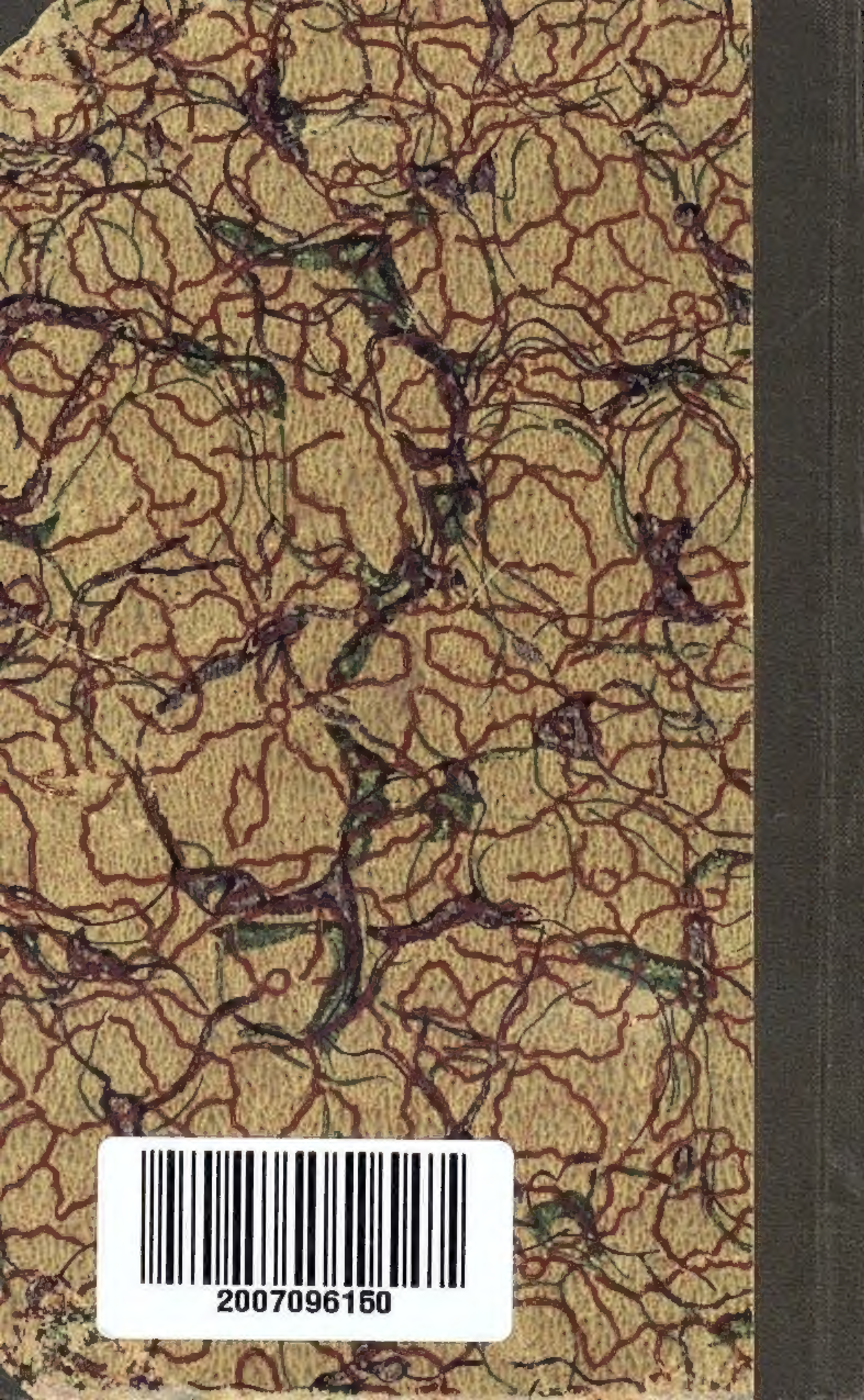
Но судьба сжалилась надъ невинной дѣвушкой. Въ то время, когда она сидѣла въ острогѣ, Нижній Новгородъ посѣтила Императрица Екатерина II, которая, узнавъ случайно отъ губернатора печальную исторію Осокиной, по-

желала видѣть несчастную. Надо замѣтить, что помѣшательство Осокиной было, такъ называемое, „ограниченное", такъ что она повременамъ приходила въ себя. Къ счастью, дѣвушка была въ полномъ разсудкѣ, когда потребовала ее къ себѣ Императрица. По приказанію Царицы, съ нея сняли кандалы и Государыня велѣла выдти всѣмъ бывшимъ въ залѣ. Наединѣ ободренная лаской Императрицы, Осокина откровенно разсказала все о себѣ.

Екатерина поняла все несчастіе дѣвушки, и освободила ее отъ всякаго наказанія.

Прощенная и измученная дѣвушка не захотѣла больше пользоваться свѣтомъ, не смотря на всѣ богатства, доставшіяся ей послѣ смерти отца, не перенесшаго печальной участи своей любимицы - дочери: она поступила въ нижегородскій женскій монастырь, гдѣ и окончила свою злосчастную жизнь.

2007096150